

Этот вопрос сначала ранил самого Ляо Цюли — он знал, как ему тяжело, знал о его одиночестве и старался изо всех сил понять его трудности. Поэтому, когда он уехал из Императорской столицы в Даши, он писал письма всю дорогу. Приехав в Даши, первым делом он снова написал ему, и потом продолжал писать каждые два дня. Он даже не помнил, сколько писем отправил. Он не только писал, но и рисовал красивые картинки на листах, вкладывая в них всю свою душу. Но этот человек ни разу не ответил, а теперь использует это как предлог для своих бессмысленных действий!

— Хватит плакать! Со мной ты не потеряешь, и твоя семья Ляо тоже не потеряет!

Плакать? Кто плакал?

Через некоторое время он почувствовал соленый вкус во рту и понял, что это он сам плакал.

Как только он осознал это, слезы хлынули с невероятной силой, и вскоре его лицо стало мокрым.

Сяо Юй отворачивался, не решаясь смотреть на это мокрое лицо. Он левой рукой прикрыл его, чтобы не видеть, и только тогда продолжил.

Нельзя было больше быть мягким. Если он сейчас не проявит решительность, то останется ни с чем, и всю жизнь будет сожалеть. Лучше разорвать эти отношения, разорвать их на части, чтобы хотя бы иметь его тело.

Оба были новичками, оба делали это впервые. Один был напряжен, другой боялся причинить боль первому, терпя почти до предела. После долгих мучений они наконец завершили дело. Это было настоящим насилием, и на кровати осталась лужа крови.

Увидев кровь, Сяо Юй забеспокоился, встал с кровати, взял лекарство и вернулся, осторожно поглаживая его спину, предлагая повернуться, чтобы он мог нанести мазь.

Ляо Цюли свернулся в угол кровати, его лицо было бледным, почти безжизненным. Он хотел уйти, но тело болело, и он не мог пошевелиться. Он мог только свернуться в углу, закрыть глаза, чтобы не видеть его. Он действительно не хотел больше смотреть на него.

Сяо Юй поглаживал его некоторое время, но не получал ответа. Злость в нем росла, и его движения стали грубыми. Он схватил его вместе с одеялом, развернул и заставил лежать прямо, лицом к себе. Ляо Цюли не хотел смотреть на него, и он стал лизать его веки, кончик языка касался тонкой кожи, вызывая невыносимый зуд. Как он теперь сможет закрыть глаза и притвориться, что не видит?!

Пять с лишним лет жизни, полной грязи и страданий, превратили того, кто краснел при слове «любовь», в это существо. Он делал слишком много против своей воли, и даже это дело

началось с «против воли». Сначала он действительно забыл, что заблокировал точки Ляо Цюли, но не мог забыть до конца. Когда он купил отдельный двор, решив взять этого человека, или, возможно, позже, когда поцеловал его, и тот заплакал, он понял, что происходит. Слезы катились, но он молчал. Зная это, он не мог повернуть назад, и тогда он стал убеждать себя, что это молчание — согласие, что он не дал ему возможности говорить. Да, именно так. Повторяя это, он обманывал себя — да, этого человека нужно было взять силой, и только тогда он станет его. Не давай ему говорить, иначе он смягчится, и он снова ускользнет. Когда же он наконец получит свой долг любви?

Ляо Цюли, которого он заставил лежать прямо, сначала был полон гнева, но, когда они встретились взглядами, он вдруг перестал злиться. Почему этот человек выглядел таким несчастным, будто в этом мире ему нечего было ценить, кроме одной навязчивой идеи, которая заставляла его жить и искать хоть какую-то надежду? С самого рождения он никогда не был счастлив, никогда не смеялся от души, никогда не плакал от боли. Жизнь была слишком тяжелой...

— Маленький Лицзы... Скажи мне правду, что-то случилось, из-за чего ты стал таким? Объясни, и я не буду на тебя злиться.

Ляо Цюли последние два с лишним года провел в Даши, и семья Ляо намеренно скрывала от него все новости о Сяо Юе. Поэтому он не знал, через какие ужасы тот прошел, как он выкарабкался из ада, как шаг за шагом поднялся до своего нынешнего положения. Он не знал, как кровавые битвы и злые люди превратили того, кто краснел при слове «любовь», в Князя-Генерала, готового на все.

— Судя по твоим словам, между нами есть недоразумение. Ты сказал, что я два с лишним года не давал о себе знать, но это не так. Я писал тебе с самого отъезда из Императорской столицы, каждые два дня. За два с лишним года я отправил сотни писем. Боясь, что они не дойдут, я сначала отправлял их в главное отделение семьи Ляо, чтобы мой третий брат передавал их в другие отделения. Письма не должны были потеряться, но я никогда не получал ответа. Позже брат написал, что ты занят и не можешь отвечать, посоветовав писать реже. Тогда я стал писать раз в неделю... Но ответов все не было. Со временем я привык и даже радовался, что ты занят — значит, тебя ценят... Много лет прошло, и ты наконец вырвался... Я был искренне рад за тебя...

Вот видишь, как только он заговорил, все оказалось не так. Он писал письма, и даже каждые два дня. Он никогда не забывал о нем, но это была дружба, не имеющая отношения к «трехлетнему обещанию». Поэтому между ними все оставалось таким же вялым, никогда не закипая. Хорошо, что он не дал ему говорить, иначе он бы не смог решиться на этот шаг. Теперь, переступив через это, они не смогут вернуться к прежним отношениям. Либо они будут связаны насильно, вынужденные быть вместе, либо со временем он сломает его, и они останутся вместе по своей воле. Другого пути не было.

— Мои родители умерли... — Сяо Юй долго молчал, а потом вдруг сказал это.

— Что?! — Ляо Цюли был ошеломлен, не успевая сказать больше, как Сяо Юй продолжил.

— Они умерли с разницей меньше чем в десять дней...

— Прости... Я действительно не знал... Я два с лишним года не получал от тебя вестей и думал, что у тебя все хорошо. Я не знал, что ты пережил такую трагедию...

— Моего отца убили, а убийца хотел убить меня... Моя мать, как это ни странно, которая обычно ненавидела отца, в конце концов отравилась, чтобы умереть вместе с ним...

Сяо Юй говорил о своей боли спокойно, как о мертвой воде, но слушатель чувствовал, как его сердце разрывается.

— Теперь у меня остался только ты. Если я не удержу тебя, то зачем мне жить...

Ляо Цюли, услышав это, перестал злиться, перестал ненавидеть. В его душе смешались чувства, но больше всего ему было жаль его. Этот человек, который никогда не был счастлив, теперь мог найти радость только в отношениях с другим мужчиной. Разве это не жалко?

— Маленький Лицзы, послушай, мои чувства к тебе... это забота друга... нет, скорее, брата. Ничего больше, никогда не было и не будет. Ты понимаешь? Сегодняшнее событие я забуду, и мы останемся...

— Останемся чем?! Вернемся к прежним отношениям?! Как мы можем вернуться к тому, что было, после всего этого?! Каждый раз, когда я вижу тебя, я хочу делать безумные вещи, а ты говоришь, что мы можем вернуться?! Скажи мне, как?!!

Мы уже переспали, а ты хочешь вернуться назад и притвориться, что ничего не было?! С кем ты играешь?!

— Если мы не можем вернуться... тогда давай разорвем все полностью!

Даже у глиняного кувшина есть характер. Он так мягко и ласково просил его, уступал, а он все не унимался! Если довести кролика до предела, он укусит. Если не укусит, то не поймет, что ему больно!

— Я повторяю: со мной ты не потеряешь, и твоя семья Ляо тоже не потеряет. Советую тебе быть умнее, не строить планов и преданно следовать за мной. Ты получишь много выгод! Не ошибайся, иначе это скажется на всей твоей семье! — Сяо Юй холодно усмехнулся, готовый к жесткому противостоянию.

Ляо Цюли услышал в его словах скрытый смысл, будто он собирается взять в заложники всю его семью, чтобы шантажировать его. Это его действительно разозлило, и он спросил:

— Что ты сделал с моей семьей?

<http://bllate.org/book/15507/1377332>